

Глава I

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СТАВКИ

Трудно выполнять свою работу в сложных и непростых условиях, но куда труднее выполнять чужие и непривычные для себя обязанности, к которым у тебя совершенно не лежит душа. И дело совсем не в том, что тебя точит червь сомнения, справишься или не справишься с полученным заданием. В первую очередь на тебя давит огромный груз ответственности за порученное тебе дело, а самое главное — за людей, попавших в твое подчинение.

Так думал генерал-лейтенант Рокоссовский, трясясь на штабной «эмке» по разбитым войной дорогам Волховского фронта, куда он был послан в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования по личному распоряжению Сталина.

Вьлетев из Москвы на военном транспортнике под прикрытием истребителей в штаб командующего войсками Волховского фронта генерала Мерецкова, он совершил вынужденную посадку на запасном аэродроме из-за тумана, и теперь приходилось добираться до места на автомобиле.

Заступивший ему дорогу туман царил не только в воздухе, но и на земле, отчего автомобиль не мог

разогнать скорость, рискуя налететь на встречный транспорт или полететь под откос в серую мгlistую неизвестность.

Одним словом, было время подумать, чем, собственно говоря, Константин Константинович и занимался, не забывая при этом смотреть по сторонам. Хотя он и находился в тыловой полосе фронта, но война есть война, где никто, начиная от простого офицера связи и кончая представителем Ставки, не застрахован от всяких каверз и неожиданностей в виде встречи с вражеской разведывательной группой.

Спешно вызванный в Москву за новым назначением, генерал Рокоссовский полагал, что Верховный Главнокомандующий направит его на Юго-Западное направление, где советские войска под командованием маршала Тимошенко отступали под яростным натиском врага. С каждым новым днем интенсивность боев нарастала, и становилось очевидно, что именно юго-запад страны, а не Москва, как считала раньше Ставка, стал тем местом, где немцы начали свое главное стратегическое наступление летом сорок второго года. Под мощными ударами танковых соединений противника фронты Юго-Западного неудержимо отступали, заставляя Ставку отправлять для их спасения резервные дивизии, приготовленные для летнего наступления на иных направлениях.

Переброшенные в спешном порядке, они с колес вступали в ожесточенные и кровопролитные бои в районе Воронежа и Дона. Ценой больших потерь и усилий они задержали германские войска, рвущи-

еся к главной цели немецкого наступления — Сталинграду и Северному Кавказу, но это был временный успех. Враг продолжал наступать, и на фронте вновь наступали тяжелые времена, что по сложности и опасности положения не уступали лету и осени прошлого года, когда гитлеровцы неудержимо рвались к Москве.

Захваченные в конце июня 1942 года штабные документы противника дали советскому Генеральному штабу возможность увидеть лишь малую толику сложной мозаики замыслов немцев. Но и от того, что стало известно, волосы становились дыбом. По мнению исполняющего обязанности начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Василевского, главной целью немецкого наступления являлся захват нефтяных приисков Грозного и Баку, а также выход к Черноморскому побережью Кавказа и занятие портов Поти, Сухуми и Батуми.

В случае даже половинчатого исполнения этих планов можно было не сомневаться, что Турция забудет про свой нейтралитет и выступит на стороне Германии. Тогда СССР терял не только свой главный источник снабжения нефтью, но и один из путей, по которому в страну поступала основная часть военных поставок из Америки.

В этот непростой момент Сталин и принял у себя генерал-лейтенанта Рокоссовского, блестяще проявившего себя при обороне Севастополя. Молодой и талантливый генерал уверенно вошел в плеяду советских военачальников, которым предстояло сменить выдвиненцев Гражданской войны и, в конце концов, выиграть эту страшную войну.

С последней их встречи поведение хозяина кремлевского кабинета мало в чем изменилось. Несмотря на всю сложность положения под Воронежем и Ростовом, Сталин держался с гостем спокойно и уверенно, расточая привычное для важной встречи внимание и дружелюбие.

Едва Рокоссовский переступил порог кабинета, Верховный с радушной улыбкой подошел к генералу и тепло поздравил его с получением звания Героя Советского Союза. Затем учтиво усадил гостя в кресло и стал неторопливо и подробно расспрашивать о положении дел на Крымском фронте.

С прищуром глядя на потомка польских дворян, Сталин отчетливо видел, как изменился его собеседник. Сегодня перед ним сидел не просто генерал, которому вождь дал возможность проявить себя на поприще командующего фронтом, перед ним сидел человек, делами доказавший свою состоятельность как полководец.

— Вы хорошо проявили себя в Севастополе, товарищ Рокоссовский. Наша главная черноморская база, несмотря на все усилия немцев, устояла и продолжает прочно приковывать к себе вражеские дивизии, столь необходимые Гитлеру в его нынешнем летнем наступлении. В былые времена полководцу, добившемуся подобных успехов, полагались Георгий на шею или Владимир через плечо и громкое звание Севастопольский... — хитро усмехнулся вождь.

— Вы слишком высоко оцениваете мои личные заслуги перед страной, товарищ Сталин. Без четкой и грамотной работы работников штаба фронта и са-

моотверженной доблести рядовых защитников Севастополя, проявивших массовый героизм в борьбе с врагом, мне вряд ли удалось бы выполнить ваше поручение, — твердо заявил вождю Рокоссовский.

— Хорошо, оставим оценку ваших личных заслуг историкам, которые по прошествии лет будут по косточкам разбирать наши деяния. Скажите, как вы оцениваете положение наших войск в Севастополе и Керчи? Смогут они выдержать новое наступление противника, если оно случится в ближайшие недели или месяц?

— Несмотря на то что нам удалось не допустить полного захвата немцами Крыма, я расцениваю положение наших войск в Севастополе как откровенно сложное, товарищ Сталин. В их обороне есть одно очень уязвимое место в виде снабжения гарнизона людьми и боеприпасами, которое ведется главным образом по морю. Как показали прошедшие бои, их подвоз можно нарушить комбинированными ударами с моря и с воздуха, а затем путем непрерывных атак захватить ослабевший город. Пока с Севастополем не будет создано прочного сообщения по суше, эта угроза будет висеть над ним дамокловым мечом. Что же касается нового наступления немцев на Севастополь и Керчь, то в ближайшее время это вряд ли возможно. Согласно последним разведанным, Гитлер забрал из Крыма свою главную ударную силу — авиацию Рихтгофена. Крупных морских соединений, способных полностью блокировать Севастополь с моря, у немцев нет, а румынскому флоту это не под силу. Кроме этого, 11-я немецкая армия при штурме Севастополя по-

несла большие потери. Согласно данным разведки, пополнения, поступающие в Крым, в основном состоят из румын, которые, как известно, хорошие мародеры, но откровенно плохие вояки... — улыбнулся Рокоссовский.

— Верно, — согласился с ним Верховный Главнокомандующий. — Все свои силы немцы бросают в район Воронежа и Ростова с целью скорейшего выхода к излучине Дона и его низовью. Если генерал Голиков и маршал Тимошенко не смогут остановить их, создастся угроза как для Ставрополя и Кубани, так и для Севастополя и Керчи. Они в случае успешного наступления врага на Кавказ могут быть полностью отрезаны от главных сил фронта. Мы, конечно, побарахтаемся, постараемся остановить наступление гитлеровцев на Дону, но нельзя исключить и такого развития события. Что вы думаете по этому поводу?

Сталин требовательно посмотрел на Рокоссовского, ожидая конкретных предложений на высказанные им опасения, и генерал-лейтенант не оплошал. Без малейшей задержки, как будто только и ждал подобного каверзного вопроса, он подошел к расстеленной на столе карте и стал уверенно водить по ней карандашом, излагая свои соображения.

— В этом случае в первую очередь надо обратить внимание на отрезок полосы Темрюк — Крымское. Это направление наиболее опасное для баз снабжения наших войск в Керчи и Севастополе в случае прорыва немцев со стороны Ростова. Для защиты от танков и мотопехоты противника нужно создать

участок прочной обороны с фронтом на север и опорой на Тамань и Новороссийск. Дальше к югу благодаря горам отражать наступление противника будет легче. Конечно, если немцы введут в бой свои горнострелковые соединения, возникнут дополнительные трудности, но и их можно нивелировать, заранее подготовив на этом направлении эшелонированную оборону.

— Хорошо, товарищ Рокоссовский, — кивнул головой Сталин, удовлетворенный четким и ясным ответом собеседника. — Я обязательно передам ваши соображения маршалу Буденному, чтобы он отдал приказ по скорейшему их созданию силами Закавказского фронта.

— Что, положение под Ростовом так плохо? — напрямую спросил вождя Рокоссовский, и тот не стал уходить от ответа.

— Сейчас там идут тяжелые и кровопролитные бои, с неясным исходом. Мы постоянно помогаем командующему фронтом живой силой и техникой, но, к сожалению, наши войска пока не могут остановить наступление врага на этом направлении. Если верить некоторым разведанным, достоверность которых вызывает определенное недоверие со стороны Генерального штаба, главным направлением немецкого удара этим летом является не Воронеж, не Ростов и не Москва. Гитлер намерен прорваться к Волге, захватить Сталинград, все нижнее Поволжье с Астраханью, занять Ставрополь и Кубань и, двигаясь вдоль Кавказа, взять под свой контроль грозненские и по возможности бакинские нефтяные промыслы.

Сталин говорил эти страшные слова спокойным, чуть бесстрастным голосом. В нем не было откровенного страха и волнения, но по блеску слегка прищуренных глаз и движениям пальцев, сжимающих пустую трубку, Рокоссовский догадывался, чего стоило вождю это внешнее спокойствие.

— Все ясно, товарищ Сталин, — сказал генерал, логично полагая, что сейчас ему будет предложено отправиться на Дон или Кубань для борьбы с наступающим врагом, однако Рокоссовский не угадал. У Верховного на него были иные планы.

— Это хорошо, что вам все ясно, товарищ Рокоссовский. Мы очень рады, что не ошиблись в вас, назначив по предложению товарища Мехлиса на пост командующего войсками Крымского фронта. Теперь за вас хлопочет другое высокопоставленное лицо, чей фронт остро нуждается в ваших полководческих способностях и таланте, — сдержанно усмехнулся Сталин, вспомнив недавний разговор по ВЧ с Ленинградом, в котором руководство осажденного города на Неве просило о скорейшем начале прорыва блокады. — Этим лицом является член Политбюро ЦК ВКП(б) товарищ Жданов, и Ставка решила удовлетворить его просьбу.

Объявив о новом назначении Рокоссовского, вождь принялся неторопливо набивать табаком трубку, ожидая от собеседника проявления несогласия по поводу принятого Ставкой решения, однако Рокоссовский молчал, и это откровенно порадовало Сталина. В его понятии человек, сумевший отстоять от врага Севастополь, имел моральное право обжаловать свое новое назначение, но генерал не проронил ни слова.

— Вас что, нисколько не удивляет ваше новое назначение? — прищурившись своими тигриными глазами, полюбопытствовал Сталин.

— Конечно же удивляет, товарищ Сталин, но я привык сражаться там, куда меня направляет Родина, — просто и коротко ответил Константин Константинович, чем ещё больше расположил к себе вождя советского народа.

«Молодец, хорошо держится», — подумал про себя вождь, неторопливо раскуривая свою знаменитую трубку, после чего стал неторопливо вводить генерала Рокоссовского в курс событий на северном участке советско-германского фронта.

— Как вы знаете, осенью прошлого года мы сумели остановить врага у порога города Ленина, но вот прорвать его блокаду у нас, к сожалению, не получилось. Ни осенью прошлого года, ни зимой и ни весной этого года, хотя генералы Федюнинский, Хозин и Мерецков очень старались. Иногда казалось, что ещё немного, ещё чуть-чуть, и блокада будет прорвана и город будет спасен от тех ужасов голодной смерти, на которую обрекли его гитлеровские мерзавцы, но увы... — с горестным вздохом констатировал Сталин и на секунду замолчал. По его лицу было видно, что с блокадой Ленинграда у Сталина связаны какие-то личные переживания, ставящие освобождение города на Неве чуть выше остальных военных проблем.

— Не буду скрывать, что мы посылаем вас на очень важный и трудный участок советско-германского фронта. Важный потому, что каждый день продолжения блокады Ленинграда — это десятки

и сотни жизней людей, гибнущих не только от бомб и снарядов озверевших гитлеровцев, но и от тотальной нехватки продовольствия. За прошедшую зиму только от голода и холода в Ленинграде умерло почти четверть миллиона человек, и если блокада не будет снята к зиме, население города сократится ещё настолько же, если не больше. К сожалению, те пути подвоза грузов, что мы смогли на сегодняшний день создать, не позволяют нам доставить в город продовольствие в полном объеме, равно как и провести из него эвакуацию женщин, детей, больных и раненых.

Рокоссовскому было хорошо видно, что Сталину неприятно говорить об этом горьком факте, который, несмотря на все предпринимаемые им усилия, так и не был исправлен, и он ведет разговор об этом только для того, чтобы собеседник лучше понял весь ужас жизни осажденного города.

— Что касается положения дел на сегодня, то оно вам в общих чертах должно быть известно. Фашисты смогли не только остановить наступление войск Волховского фронта на Любань, но и окружили и разбили 2-ю ударную армию генерала Власова. Несмотря на все усилия командования фронта, из вражеского кольца смогла пробиться только малая часть сил 2-й ударной. Остальные либо погибли, либо сдались в плен. Местонахождение командующего армией генерала Власова уточняется, но скорее всего, он попал в плен к немцам.

Услышав о возможном пленении командарма, Рокоссовский напрягся, интуитивно чувствуя, куда может свернуть начавшийся разговор, но вождь не

стал развивать эту тему. Человек, прошедший испытание «крымской мясорубкой», по мнению Сталина, не нуждался в дополнительном внушении.

— Ставка хорошо понимает всю сложность сложившегося положения вокруг Ленинграда. Войска двух фронтов с начала года вели непрерывные бои, но так и не смогли добиться стратегического успеха. В результате этого силы фронта истощены. Люди устали от боев, запас боеприпасов сократился, а часть техники уничтожена или вышла из строя.

В сложившейся обстановке не может быть и речи о проведении нового наступления с целью полного снятия блокады и восстановления прямого железнодорожного сообщения с Ленинградом через станцию Мга. Самое разумное в этой ситуации — это взять паузу, поднакопить силы и с наступлением зимы ударить вновь, однако осажденный город не может ждать. Не могут ждать старики и дети, женщины и раненые, все те, кого безжалостно душит костлявая рука голода, организованного фашистами. Поэтому принято решение попытаться прорвать блокаду города вдоль Ладожского озера и тем самым хоть немного, но облегчить тяжелое положение осажденных ленинградцев.

Сталин встал и подвел Рокоссовского к столику, на котором лежала нужная ему карта Ленинградского и Волховского фронтов с нанесенной на ней последней обстановкой.

— Самый краткий и простой способ прорвать оборону — это нанести по врагу встречный удар силами двух фронтов со стороны Шлиссельбурга и Липок, — вождь ткнул тупым концом карандаша